

Василий Шулейкин

«ДВАЭС», БЫР-БЫР И ДР. ИЗ НАШЕГО ЛАГЕРЯ

Рассказ

В одном из алматинских спортивно-оздоровительных лагерей для школьников я трудился каждое лето, так что к окончанию университета небольшой опыт педагогической практики набрал. Но самый первый заезд буду помнить всегда. Хотя бы потому, что он круто изменил мою дальнейшую судьбу.

После окончания первого курса Казахского национального, очень престижного технического вуза, а именно туда я поступил по гранту отличника, подходит ко мне старшекурсник и делает предложение на летнюю подработку – видимо, мой небогатый нефирменный прикид подсказал: этому парню нужны деньги.

– Послушайте, юноша, – манерно обратился он, подчеркивая возрастное превосходство и высокую степень интеллектуального развития (по крайней мере, ему так казалось, да и не ему одному – многие старшаки с первокурсниками держали себя снобистски), – хочу предложить вам классный вариант обеспечения себя материальными благами. Короче, не работа – пушка, самый топ...

Оказалось, что мой новый «покровитель и благодетель» не сможет в это лето обеспечить присмотром и воспитанием группу школьников старшего возраста в лагере, как он выразился, «культуры и отдыха», так как намерен жениться. По его мнению, мне и только мне он может доверить эту весьма благородную и благодарно оплачиваемую миссию, но только в первый заезд. Потом он обязательно вернется на свое насиженное и подпитанное личной энергетикой место.

– А вы, обретя деньги и опыт педагога Макаренко, благополучно свалите на заслуженный отдых, то бишь окунетесь в раздолье каникулярного безделья, а возможно, и пучину беззастенчивого разврата. Хотя... – старшекурсник смерил меня взглядом, на секунду изобразил аналитику умственного напряжения. – Про разврат вам, молодой человек, пока что рано думать. Впрочем, и в лагере среди девчонок-вожатых вас, возможно, уже поджидает Джульетта.

Надо полагать, что последним аргументом он решил полностью и бесповоротно сыграть на гормоне половой притягательности и тем самым обратить меня в вожатые отряда старшекласников.

Ну а мне и раздумывать долго не пришлось – вот что значит не обжечься кипятком бытия, я и на предлагаемый «стакан молока» дуть не стал.

– Сколько платят? – спросил я, и, услышав в ответ вполне приличную сумму, объявил о готовности принять под начало группу сорванцов, уже через парутройку дней отправлявшихся в спортивно-оздоровительный лагерь «Геолого-разведчик».

Не стану рассказывать, как родственники, особенно мама, восприняли мое стремление поучаствовать в воспитании молодежи старшего школьного возраста – отговаривали, мол, «чего тебе не хватает», «ты знаешь, какие сейчас подrostки», «это же такая ответственность» и пр. и пр. – но я всё-таки оформился на должность вожатого. При этом получил небольшой аванс под обещание, что для «борьбы с шалопаями» числом семнадцать человек в возрасте 14-15 лет стану плечом к плечу с педагогом-воспитателем отряда.

– Сейчас у нас несколько кандидатур на рассмотрении, – скороговоркой за-верил меня хозяин лагеря Барри Барриевич, – короче, не бойсь, справишься...

А я и не боялся. Бойтся тот, кто обжигался... Ну да ладно, про эту жизненную аксиому я уже написал.

С рюкзаком, набитым сменными вещами и бабушкиными пирожками, в назначенное время я прибыл на место сбора. Стал приглядываться к детям, пытался вычислить своих. Раз у меня старший отряд, значит, они самые рослые. Вон тот черненький выше метра семьдесят ростом – мой...

А этот с чемоданом, пониже, но поупитаннее остальных будет – тоже ко мне...

Вон – двое. Закинули руки на плечи друг дружке и о чем-то шепчутся... Здоровые ребята... А ну-ка, куда они направились?..

...Барри Барриевич зычно прорычал:

– Всем – построиться!

Толпа заволновалась – родители тоже поспешили стать в строй.

– Папы и мамы строятся в сторонке, – прокуренным басом, да еще со смешком объявил хозяин. – Здесь только дети, согласно ранее сформированным отрядам. Слева от меня – первый отряд, остальные – за ними. Та-ак, вещи – с собой в строй...

Я со своим рюкзаком стал первым, возле начальника. Медленно, как будто бы спросонья, в строй потянулись старшеклассники. Ага... мальчики – отдельно.

Девочки?..

А девочек старшего возраста не было.

Позже я спросил у шефа, почему нет девчачьего отряда, и услышал ответ, заставивший меня на секунды испугаться:

– Нам и твоих жеребцов – за глаза. Погоди, еще намаешься с этим «пубертатным возрастом». Так что я с некоторых пор в свой лагерь девчонок старше 12 лет не беру. Не хватало мне повторения разборок между семействами Монтекки и Капулетти.

Я тогда сразу вспомнил фразу моего работодателя о том, что для меня «Джультетта» в лагере найдется. Конечно, понял, о чем речь, но, опять же, на себя ситуацию не примерил, и правильно сделал.

– Воспитатели и вожатые – ко мне! – отдал распоряжение начальник лагеря. Именно так – «начальник», самозаявился он присутствующим и начал по очереди представлять родителям и детям нас – вожатых и воспитателей.

– Первый отряд! Вожатый – Максим Гараев, студент третьего курса политехнического университета.

Я хотел исправить его ошибку: не третий, второй – но, опередив меня, начальник шепнул: «Так надо, уважения больше!».

Я повернулся лицом к своему отряду и увидел, что ребята не очень-то дружелюбно восприняли меня как руководителя.

– Давай к нам, Максимка! – весело и даже как-то игриво пробасил один из тех двоих, за которыми я не успел проследить.

Второй тут же добавил:

– Чё-то молодо выглядит наш вожачок...

– Так! – рявкнул Барри Барриевич. – Разговоры в строю прекратить! Чьи эти двое? – повернулся он в сторону родительской толпы. – Кто родители таких невоспитанных детей?

Никто не откликнулся.

– Как зовут? – он вновь обратил строгий взгляд на пацанов. – Где ваши прожатые?

– Серик, – назвался один.

– Сережа, – буркнул второй. – Отец подвез и уехал, некогда ему.

– А нам, стало быть, есть когда вас перевоспитывать? Тааак... Может, вам деньги вернуть и по домам отправить? А? Умники...

– Не надо, – пробурчали и насупились ребята.

– Вы – одноклассники?

– Да.

– «Завидую» вашему классному руководителю! Значит так, этих двоих – на особый контроль, – приказал мне шеф.

Притихли все – и пацаны с девчухами из младших отрядов, и сопровождающие их лица...

Все, кроме моих подопечных. Они в момент окрестили начальника лагеря Быр-Быром, что, следует признать, значительно облегчало произнесение его имени и отчества и в какой-то мере фонетически соответствовало тону его голоса и манере общения.

Наш автобус – китайский «ушастый зайчик», получивший это прозвище за огромные наружные зеркала заднего вида, распахнул дверь и...

Между некоторыми из ребят началась потасовка – борьба за место у окна. Серик и Сережа, с явной издёвкой и ехидцей в голосе, начали «успокаивать» пихающихся и орущих «Ты чё?!», «А ты чё?!», «Я – первый!», «Тыгы... убрал свой чемодан! Это тебе не поезд».

– Пацаны! Вы чё в присутствии вожатого барагозите?

– Кончайте этот движ. Вот он доложит начальнику лагеря – пипец вам!

И повернув довольные рожицы в мою сторону, раболепски принялись спрашивать:

– Ага-жить?

– Да-жить? Пипец драчунам?.. Быр-Быр их теперь накажет.

Пришлось встать со своего места, повернуться в салон и строго, возможно, бессознательно подражая начальнику, спросить:

– Та-ак! Какие проблемы, школьники?!

Этим, как мне казалось, я сумею прочертить границу между нами.

Шалуны действительно стихли. Все, кроме «двухэСов», как я окрестил в своем мозговом компьютере Серика и Сережу.

– Грозный у нас вожак, – вполголоса, но так чтобы слышали рядом сидящие, сказал один.

– Не вожак – атаман! – поправил его второй.

– Бери выше – хан старшего жуза...

– Не-а, царь-царевич, король-королевич...

Я сделал вид, что не слышу вызов.

– Сапожник, портной, кто он такой?.. – весело продолжил детскую считалку толстяк с чемоданом, хихикнул, но, не услышав поддержки, затих.

Остальные пассажиры сидели с непричастным видом и наблюдали в окошках уходящую натуру Алматы. Мысленно похвалив себя за выдержку и невступление в дискуссию, я уставился в окно, за которым бушевал самый конец мая.

Май – любимый месяц большинства коренных алматинцев. Именно в мае зелень у нас самая зеленая, самая веселая, потому что только в мае в город прилетают ветры – недолго длящиеся, непродолжительно дующие мощными шквалами, но настоящие, как говорят синоптики, с порывами до 20 метров в секунду. Раз-другой дунет, да еще поддаст упругий воздух с запада на восток, не то что зашелестят-хихикнут, рассмеются-захохочут, – зазвенят тополя молодой, крепко сидящей на ветвях листвой. А если к тому же весна была ранней, то к середине мая пирамидальные красавцы покрываются пухом, как снегом. Этакий природный оксюморон – на изумрудной клейкой, еще не припорошенной пылью листве висят гирлянды белоснежного пуха. Правда, неприятностей от него больше, чем радости от самозабвенного созерцания – многие алматинцы страдают аллергией из-за тополиного семени. Случается, и очень часто, в глаза людей попадают невидимые нити такого «снега» – слезы, краснота, потеря зрения. Временно, конечно, но очень неприятное это дело – поймать пушинку, хуже, чем снежинка в око она. А то и пожар может полыхнуть, если такие бравые парни, как «дваЭС», подожгут пух, сбившийся у дорожных бордюров и тротуарных поребрик в кучу. А горит он ничуть не менее эффективно, чем бензин...

Вдоль проспекта Суяунбая, по которому, не шибко разгоняясь, передвигалась наша автоколонна из десяти автобусов, тополя стояли ровными рядами-шеренгами, как солдаты в строю. Я вспомнил урок краеведения и то, как к нам приходила Нелля Аубакировна Букетова, написавшая несколько книжек об истории Алматы. И решил прервать тишину.

– Знаете ли вы, кто и когда посадил деревья вдоль улиц нашего города?

– По-моему, они всегда здесь росли... – робко ответил самый низкорослый из всей ватаги.

– А вот и нет! – возразил ему паренек в очках, худенький, с оттопыренными ушами. – Я читал в «Вечернем Алматы», что раньше, ну..., эта..., еще в позапрошлом веке, когда здесь не было города, а были древние поселения, на месте нашего города были кустарники и редкие карагачи. А тополя и фруктовые сады здесь посадили переселенцы. Точно помню, что полицейские даже плеткой били тех жителей, которые не сажали или не поливали деревья...

– Именно так, – вступил в разговор я. – Вернее, примерно так и было. Закупали саженцы в Китае, в городе Кульдже, и по этой самой дороге, по которой мы сейчас едем, привозили нашим предкам. Раздавали бесплатно, только ухаживай. Для этого от Малой Алматинки прокопали Головной арык, потом там пролегал проспект Абая, а от Головного арыка вниз вырыли канавки и пустили

по ним воду для полива деревьев. Тополь хорошо приживается на новом месте и быстро растет...

Дорога за разговорами пролетает быстрее. Пока я рассказывал пацанам то, что врезалось в память на уроках краеведения, автобус уже катился по загородной трассе.

– Кстати, этот путь со времен возникновения назывался Кульджинским трактом, – продолжил я демонстрировать знания города и его окрестностей. – Именно по нему, никуда не сворачивая, ездили в Китай...

– Может, и мы не станем сворачивать в лагерь, а рванем в Китай! – с апломбом и претензией на перехват инициативы промолвил Серик.

– Прикупим там дешевого барахла и вернемся, – добавил Сережа. – Ну чё, братва, захватываем автобус с заложником?

Грянул хохот! – ясно же, кто здесь в роли заложника.

Секунда на раздумье, и я смеюсь вместе со всеми.

Очкарик с удивлением взирает на меня, то есть на мою реакцию. Он ждет, что я вновь встану с сиденья и грозно, так же как начальник лагеря, рявкну: «Таааак!..»

Но я смеюсь, ищу подходящую фразу для перевода разговора на другие рельсы. И, о чудо, слева от нас начинается роща Баума. Я действительно встаю со своего места, все затихают в ожидании отповеди «двумэС» – теперь я их крою в душе по полной, но вида, конечно же, не показываю – и вновь задаю вопрос:

– На проспекте Суюнбая слева от нас мы наблюдали природное чудо – рощу Баума. А почему она названа по фамилии Баума?

Тишина...

– Вы что, в школе плохо учились?

– Нас этому не учили... И у нас не было таких уроков... Природоведение, что ли?

– Краеведение! – уточняю суть и направление вопроса.

– Не было у нас такого предмета.

– Жаль. Николай Баум жил в нашем городе более ста пятидесяти лет назад и был ученым лесоводом. Он улучшил, усилил и увеличил этот природный уголок, сделал из него настоящую рощу, тем и памятен алматинцам. Вы же алматинцы?

– Да! – дружно выдохнули несколько пацанов.

И только Серик, видимо, задумав новую провокацию, вкрадчиво спросил:

– Вожак, а ты на ботаника учился?

– А чё, не видно разве – чистый ботан... – подхватил тему Сережа и первым засмеялся.

Я заметил, что ему подхихикнул только толстяк с чемоданом. Остальные с иронией посмотрели в окна...

И в этом случае я не сдержался:

– Тааак! Еще раз: ко мне – обращаться по имени! Кто забыл, напомним: Максим. Всё понятно?

– А мы чё... Мы поняли... – робко донеслось с последних рядов.

Сережа и Серик надменно молчали.

Я вскипел:

– Вот эти два перца! К вам обращаюсь: вы поняли?

Зря, конечно не сдержался, потому что в тот же миг получил ответку:

– Какие мы тебе «перцы»?

– Вот и я вам не ботан. Усекли?

В автобусе воцарилась тишина – неловкая, тягучая...

...Привал сделали в сорока километрах от Алматы, перед поворотом на город Иссык. Съехали всей колонной в лесополосу, подальше от проезжей части, с намерением, что если кому требуется, можно скрыться за кустарником. Потребовалось многим...

– Значит, так, – объявил начальник, – девочки идут налево, мальчики – направо. И не перепутывать... Стоим пять минут!

– Барри Барриевич! – я подошел к шефу. – А где воспитатель отряда? Что-то я с этими подростками уже напрягаюсь...

– Будет, Максим, будет тебе воспитательница. – Он игриво гоготнул. – Правда, точной даты назвать не могу. Но ты работай, работай, изучай личный состав, то есть контингент. Вон, обернись... Куда эти два охламона направились?..

– По машинам! – ровно через пять минут распорядился начальник лагеря.

«Что-то уж очень по-военному наш шеф себя держит», – подумал я и не ошибся. Впоследствии он рассказал мне, что почти тридцать лет прослужил на границе, был прапорщиком – старшиной погранзаставы, а теперь в отставке. О том, как ему удалось построить лагерь и закрутить свое дело, Барри Барриевич умолчал, а я не очень-то и хотел знать тайны чужого бизнеса, – сейчас лучший друг не озвучит размер своей зарплаты, не то что...

Мои «дваэСа» явили лики из кустов последними, но, увидав, что все в автобусах, а нога начальника на подножке кружака, рысью домчались до входа в «зайчика».

«Чем это от них пахнуло?» – уловил я незнакомый запах. «Сигаретный дым так не пахнет, спиртное тоже... Ладно, потом спрошу»...

К обеду мы, проехав еще полсотни км, оказались на месте. Не стану описывать райский уголок посреди степи, короче говоря – оазис со щитовыми домиками и одной огромной палаткой на целый взвод. Именно она оказалась обителью для первого отряда.

– А если дождь пойдет? – робко задал я единственный мучавший меня вопрос.

– Сразу видно, человек не служил в армии!.. – с усмешкой ответил шеф. – Иди, обрадуй пацанов, полюбуйся на их реакцию. И вот еще что, мой совет: прямо сейчас изучай личный состав, в душу каждому заглядывай...

Еще на подходе к своей группе увидел двинувшихся ко мне возбужденных воспитанников:

– Максим, а кто будет жить в палатке?

Я решил немного оттянуть момент истины:

– Ну, если кто-то пожелает...

– А кто, кто решает это?

– Я и решаю! Только думаю: а если дождь пойдет или ураган налетит...

– Да она же настоящая армейская, такие не промокают...

– Та-ак! Вы хотите в палатку?

Такого громкого и единым духом выпаленного «Да!» я не слышал никогда ранее.

– Заселяемся! – произнес я и тут же понял, что совершил очередную педагогическую ошибку – не определил порядок входа в узкий проем: ватага ринулась

в палатку толпой, и через три секунды первые поселенцы полегли на пороге. Вторые, презрев крики и стоны упавших, пошли по их телам...

– Стоять! – рявкнул, как мне показалось, я, но в суете и гаме семнадцати подростков моя команда не была услышана.

И вдруг позади меня раздался смех – Серик и Сережа просто гоготали от души и кривлялись, как обезьяны. Я еще после привала заметил, что они стали какие-то веселые, причем хихикали всю дорогу, общаясь только друг с другом.

– Что смешного?

– Да они... они... – не в силах остановиться по очереди твердили «дваэСы», – да они же как обезьяны... Ххы, кххы, хи, ха, хи...

Я вошел в палатку.

– Значит, так: никто без разрешения койку не занимает. Вещи сложить в центральном проходе, и – на выход. Шеф сказал: поскольку мы выбрали военную палатку, то и жить мы станем по-военному. Понятно?

– Так точно... – потихонечку сказал ушастый паренек.

Остальные промолчали, но принялись исполнять команду.

В этот момент я и сам почему-то почувствовал себя офицером-командиром.

«Надо бы ввести в лексикон кое-какие военные выражения – вон как простое, но четко сказанное слово “понятно?!” мобилизовало парней на организованность и дисциплину (кажется, так это называется по-военному)».

– Сейчас идем на обед. Обязательно перед столовой моем руки с мылом...

– А у кого есть свой хавчик, – донесся из строя голос толстячка, – можно остаться?

– Сначала в столовую – распоряжение начальника лагеря. Там он доведет обстановку («ишь, какое мне в голову пришло словечко!»), потом решим. Кроме того, теперь мы будем дневалить по отряду...

– Часовых, што ль, у входа выставлять? – спросил Серик.

Он всегда поднимал бучу первым. Сказал и захихикал, Сережа последовал его примеру, но заржал не в пример громче друга. Остальные даже не улыбнулись.

Меня охватила злость: «Да до каких пор можно терпеть это?!... этих?!» Конечно, я знал матерные слова и иногда их произносил, хотя в кругу сокурсников слыл интеллигентом – многие из них матерились не со злости, а просто так, и, кстати, быстро привыкали к междометиям типа... Ну, вы сами знаете эти слова.

В очередной раз за первые полдня педпрактики я сдержал себя и, указав на Серика, объявил:

– Дневальным назначаю тебя!

– И я с ним останусь! – под «хи-хи» сказал Сережа.

«Ну и...!» – подумал я, а вслух сказал:

– В палатку не входить, посторонних не пускать! Задача ясна?

– Ланн... Локацию понял, – процедил сквозь зубы всё еще улыбающийся Серик.

Я не стал развивать армейскую тему далее...

Обед потряс всех наваристостью и душистостью супа, обилием мяса в гуляше и сладостью компота из сухофруктов. Несмотря на долгий путь, многие ребяташки не справились с порциями, оставили часть еды на тарелках. Но толстяк и еще пара-тройка крупных пацанов выскребли тарелки до блеска.

Под дружный стук ложек начальник объявил, что нам сегодня положено разобрататься с вещами; определиться с местами; отдохнуть; и... поплескаться в пруду.

– Урааа! – тут же выдали вопль радости мои подопечные, и это вызвало у шефа добродушную улыбку – вот, мол, я какой, добрый начальник.

– Не забудьте определиться с названием отрядов, придумайте девиз. А завтра с утра – зарядка по полной программе и линейка, – завершил он инструктаж и убыл.

Уже на подходе к палатке я понял: «дваэСы» нарушили дисциплину – у входа на лавочке не было ни того, ни другого...

Ну, конечно же – они лежали на кроватях и, мило посмеиваясь, что-то жевали. Внутри палатки витал аромат мяса, чеснока и других специй. Так божественно лично меня гурманит только один продукт на свете – казахская колбаса казы. Не часто, потому что дорого, мама на праздники покупает так называемое конское семиререберье. Особым способом срезает с него мясо, густо посыпает его солью, черным перцем, чесночной пастой, еще чем-то очень ароматным, аккуратно помещает продукт в специальную конскую же кишку, делает на ней малюсенькие проколы – чтобы при варке оболочка не лопнула – и ставит на медленный огонь часа на три. В эти часы наша квартира наполняется ароматом, который я и уловил, зайдя в палатку.

«Интересно, где эти охламоны добыли казы? Точно помню, что в их рюкзаках никакой еды не было...»

Додумать до конца и логически завершить мысль мне не дал вопль:

– Кто украл?!

Толстяк Тулемис стоял рядом со своим раскрытым чемоданом и от возмущения, не произнося более ни слова, лишь открывал и закрывал рот.

– Чёёёо? Ты чё сказал? Украл? А ты чё, сам эту колбасину жрать собрался, в одиночку? – Серик встал с койки и набычился. – Мы же теперь – отряд, скажи ему, Макс. А раз отряд – здесь всё общее, твое-мое больше не существует! Вкурил, май фрэнд?

– Это мой чемодан, и вещи в нем мои, а не общие! – выпалил Тулемис, не дав мне возможности вставить слово. – А казы мне бабушка специально приготовила, чтобы в день приезда я всех угостил за общим дастарханом, чтобы у нас как праздник был, а ты... а вы... воры вы и гады, вот вы кто... Как можно чужую колбасу брать и жрать без спроса?!

– Да на, забирай свою вонючую колбасу... – парень замахнулся, чтобы кинуть остаток казы в хозяина, но я перехватил его руку.

– Чё? Сами жрать пошли, а нас без еды оставили? Это справедливо? А мы с голодухи даже через чемодан уловили запах и решили, что никто не обеднеет... Бабушку ему жалко! А фрэндов по отряду не жалко? – крыл аргументами похититель колбасы.

Орал он так, что стал слышен в домике начальника, и тот не замедлил явить себя первому отряду.

– Что случилось? – весьма благодушно, что не свойственно было его манере, спросил Быр-Быр.

– Да вот тут у одного деятеля приступ жадности случился! – раздраженно с вызовом выпалил Серик.

– Стоять! – шеф резко сменил тон. – Смирно!.. Стоять и молчать! Я вопросы задаю водителю...

– Барри Барриевич, да мы сами разберемся! – сам не зная, почему покрываю воришек, сказал я начальнику.

– Это хорошо, когда люди сами находят истину, – сменив тон на добрые интонации, сказал Быр-Быр и удалился, но успел незаметно подмигнуть мне, мол, потом доложишь.

– Значит, так! – строго произнес я. – Первое: Тулемис, твоя ошибка в том, что ты сразу не сказал мне про бабушку и ее замечательный сюрприз для отряда. Впредь, и это касается всех – никаких сюрпризов, обо всем надо докладывать мне. Второе: Серик и Сережа! Вы совершили необдуманый поступок и понесете за него наказание. Какое? Потом скажу. А пока ваше дневальство не засчитывается – вы нарушили установленный порядок, покинули пост. Идите в столовую, ваш обед вас ждет...

Пацаны направились на обед, а мы принялись за распределение мест.

Кровати в палатке стояли настоящие солдатские в два яруса. Мне стало ясно, что мало кто захочет спать наверху.

Что же делать?

– Для начала выбираем и раздаем козырные места! – объявил я отряду. – Кто имеет хорошую физподготовку и сможет в два приема заскакать на верхний ярус – того и койка. Итак, хилых и больных попрошу не беспокоиться.

– Легко! – вперед вышел паренек небольшого роста, но крепкого телосложения.

Еще в пути я заметил, что он ни с кем не цеплялся языком, а в ходе разборок лишь иронично поджимал в ухмылке губы.

– Демонстрируй!

Парень подошел к изголовью пары коек, повернулся лицом вдоль сетки, ухватился левой рукой за дужку спинки верхней кровати, сделал мах правой ногой и... взмыл на второй ярус. В один прием!

Народ ахнул на выдохе.

– Ничёсе!

– Ай, джигит!

– Зачетно!

– Марат Кисекбаев, Республика Казахстан! – как на международных соревнованиях представился поразивший нас пацан. – Это – моё место!

– Твое! – утвердил я. – Спортсмен?

– Первый разряд по боксу!

– Отлично! Я подумал – гимнаст...

– Я – гимнаст. КМС, – вышел вперед паренек невысокого роста. – Талгат меня зовут. Разрешите выполнять упражнение?..

– Пробуй!

Талгат сделал шаг вперед, развел пошире ноги, легко наклонился, оперся на руки и потянулся вверх. Руки его выжимали тело всё выше и выпрямились одновременно с сомкнувшимися ногами. Парень на руках пошел к выбранной кровати. Затем носками ног зацепился за край сеточной рамки и так же медленно, оторвавшись от пола, согнул туловище пополам. Оказавшись лицом к кровати, сетке, ухватился за рамку и так же медленно сначала стал в стойку, затем опустил туловище на кровать.

– Моя! – провозгласил он.

– Вот это движуха – цирк, да и только! – то ли с иронией, то ли с восхищением констатировал Лёша – ушастый ботаник в очках.

Надо отметить, что примеры оказались заразительными, и второй ярус не сумел вместить всех желающих.

Естественно, что «дваэСы», вернувшись с обеда, оказались на нижних койках... у входа.

Как только шалопаи выяснили, почему «лучшие люди» отряда заняли второй ярус, они пришли в ярость.

Пришлось «успокоить» их фразой: «С вашим пребыванием в лагере пока что не всё ясно...»

Я действительно в эти минуты потерял всякую надежду на их вразумление и возможность навести мосты понимания, а потому решил сообщить обо всем начальнику лагеря.

– Да, боевые пареньки, ничего не скажешь... – резюмировал Быр-Быр. – Но отсылать их к папам с мамами мы не станем!

От такого решения у меня комком злости пережало гортань. Я-то надеялся...

– И не надейся, – будто услышав мои мысли, обломал меня шеф. – Отправим ребят домой – понесем моральный и материальный урон. А это нам ни к чему. Попробуем завоевать их умы и сердца тем, что...

Далее начальник вспомнил свою службу на пограничной заставе и рассказал, скольких хулиганистых солдат ему пришлось перевоспитывать с помощью, как он выразился, принципа доверия.

– Тут простая психология: человек всегда стремится быть значимым в кругу себе подобных, вот и выпендриваются некоторые гомо более-менее сапиенсы, изображая из себя нечто ценное. А ты наблюдай за каждым, анализируй его поступки, действия, веди разговоры по душам, старайся докопаться до сути характера, воспитания – разные семьи, разные требования к жизни – уровень образования тоже много значит... Усёк?

Усечь-то я усёк, да только нервы у меня не железные – за один день знакомства эти орлы ушатили меня до крайности.

– Ты вот что: для начала поручай им самую сложную работу, но при этом подчеркивай, что, кроме как Серик и Сережа, вряд ли кто-то еще с этим справится. А там посмотрим, как подействует.

– Барри Барриевич, мне кажется, они курят...

– Эка невидаль! Все пацаны через это проходят. Но поощрять, конечно, не следует – будем пресекать, жестко.

– Только я не пойму, что они курят. Запах какой-то...

Начальник вмиг встрепенулся:

– Как будто бы полынью?..

– Ну да, не табаком пахнет...

– А они потом не шибко веселятся?

– Посмеиваются, как два придурка.

– Похоже, анашу курнули. Взять ее здесь негде, значит, с собой привезли.

Проверим завтра.

– Обыск будем устраивать? Это же незаконно...

– Ты пока что следи, следи, и, уж извини за термин, принохивайся.

Разморенные дорогой и сытным обедом ребята отдыхали. В основном, конечно же, лежа на койках поверх одеял. Некоторые даже не удосужились разуться.

Когда я вошел, кое-кто встал с кровати. Но большинство не пошевелилось.

– Давайте сразу же решим: кровати только для сна – с десяти вечера до семи утра и с двух до четырех днем. Сидеть можно и нужно на табуретах. Столы тоже в нашем распоряжении. В общем и целом – это наш дом, и мы в нем ответственны за порядок. Усекли? – почему-то произнес я словечко из лексикона начальника – вот ведь как передается «опыт».

– Вкурили! – буркнул за всех сильно погрузневший Серик.

«Ну, вот и ломка началась!» – подумал я и обратил внимание на Сережу, лица которого тоже не выражало веселья. «Не натворили бы они бед до того, как Быр-Быр разберется...»

– Значит, так: сейчас – всем отбой. Кто не хочет спать – не спит, но из палатки не выходит. Серик и Сережа – ответственные за вход и выход.

– А чё мы-то? Опять? – негромко буркнул Серик.

– Потому что вы у входа; я специально вас там и расположил, так что и лежать можете, и ситуацию контролировать.

– Ааа... ну если так, то ланна.

– После сна, до ужина нам надо придумать название отряда и девиз, так что смотрите сны и запоминайте.

Час пролетел быстро. Я успел побывать в столовой, где письменно подтвердил свою постановку на довольствие, потом – у завхоза, где тоже расписался за получение настольных игр для воспитанников, и, наконец, встретился с шефом.

– Натолкни ребят на мысль, что отряд надо назвать «Пограничник», у меня с прошлогодних заездов накопились отличные мероприятия для них по этой теме – некогда будет анашу курить, отвечаю! – порекомендовал он.

Так я и сделал, но сначала по-военному отдал команду:

– Подъем! Просыпаемся, умываемся и строимся!

Медленнее всех поднимались трое: толстяк Тулемис, рыжий тихоня Шурик и Даурен, который за весь день, как мне показалось, не произнес ни одного слова.

«Ага, этих надо запомнить – ленивые... А может быть, просто крепко спали и никак не придут в себя?.. Блин, аналитика с педагогикой... А оно мне надо? Отработаю сезон, получу свои бабки и...», – мысли, что называется, путались, но рвались быть высказанными.

– Ну что, какие предложения по наименованию нашего отряда?

Пацаны молчали.

– Может, назовем «Бригантина»? – после короткой тишины предложил Шурик. – А что, очень романтично. Я даже песню старинную вспомнил... Там – в каком-то... а, вот: «...В флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса».

Честно говоря, я такой песни не слышал, да и про бригантину подробностей не знал: но раз есть паруса, значит, эта штука – корабль.

– Где ты тут море видишь, чел ботанический? – сказал и ухмыльнулся самый высокий наш коллега по имени Сакен.

Ботаник неловко пожал плечами, мол, не хотите – как хотите, наше дело предложить, ваше – отказаться.

Но тут вперед на шаг выступил самый низкорослый в отряде.

– А ты что, всю жизнь решил в степи прожить? Надо мечтать...

Сакен с изумлением свысока посмотрел на Елубека, так его звали, но в спор не вступил.

– Еще предложения? – спросил я.

Молчание в ответ.

– А чего предлагать? Только время терять. Пусть будет «Бригантина», – заговорил наконец-то Даурен.

По тону чувствовалось: не хочется парню стоять, размышлять, придумывать – свалить бы и лечь на травку.

– Получается, что «Бригантина», вроде как – женское название лодки, а у нас ни одной дамы не присутствует, – вступил в дискуссию Георгий-Гоша, красавчик-блондин. – Может быть, мы выдумаем нечто мужское?

И опять тишина.

К моему удивлению, «дваэСы» молчали и не кривлялись.

– Слушайте! – вдруг озарило Марата-боксера. – А давайте назовем нас «Арлан», как спецназ?!

– Плагиат! – тут же констатировал Шурик.

– Но это уже ближе к общему пожеланию иметь мужское название, – взял процесс под контроль я. – Предложу, а вы решайте: можно назвать отряд «Пограничник». Я пошел в столовую накрывать ужин, а вы решайте. Кстати, про девиз не забудьте...

...Ранним, по меркам городских жителей, утром, то есть в семь тридцать, горнист из отряда шести-семиклассников неумело задудел в горн – то ли плевал в мундштук, то ли пукал губами. Однако общеизвестную попевку – «та-та, та-та, та-тата, татата», что на языке ритмики воспроизводилось как «Вставай, вставай, штанишки надевай!», всё-таки выдул три раза.

Умывались на улице из длинного с множеством сосков умывальника – для большинства подобное было в диковинку. Казалось бы, простейший механизм – поднял ладошками штырек вверх, набрал в них воды, ополоснул лицо, намылил руки... Ну и так далее. Смотрю, а ребята пытаются сделать так, чтобы вода лилась сплошным потоком... А в этом случае она быстро заканчивается – бачок-то наполнять надо! Что ж, будем учиться...

Учиться моим подопечным пришлось многому – от умывания до вышивания. Но об этом – отдельный рассказ. А пока некоторые из них впервые отправились на физзарядку – нехотя, со стонами.

Бежать надо было на стадион. И поскольку мы условились вещи в палатке охранять, человек десять изъявили желание быть дневальными. Но «счастье» выпало на долю толстяка Тулемиса – уж так жалобно он на меня посмотрел, услышав слово «кросс».

Прямо из столовой мы отправились на линейку.

– Сейчас будем знакомиться поотрядно! – объявил начальник лагеря. – Воспитатели отрядов и вожатые, – ко мне!.. Все придумали названия и девизы отрядам?

Мы дружно подтвердили готовность.

– Тогда – начинаем... Первый отряд! Слушаем вас!

Четко выйдя из строя на два шага, красавчик Гоша-Георгий поставленным зычным голосом скомандовал:

– Отряд! Смирно! Наше имя?

– «Пограничник»! – дружно грянули мои пацаны.

А Гоша вновь, как ведущий концерта на большой сцене, кстати, он и был артистом самодеятельного театра, четко произносит:

– Наш девиз?

И опять пацаны, набрав воздуха в легкие, одновременно выдохнули:

– «Повзрослеем-подрастем, в погранцы служить пойдем!»

В крошечной тишине наш артист четко повернулся кругом и стал в строй!

Быр-Быр зааплодировал первым. Тут же аплодисменты посыпались от воспитателей и вожатых и волной прокатились по всем отрядам.

– Хорошо! Молодцы, первый отряд, – похвалил шеф. – Второй отряд! Слушаем вас...

Второй отряд, видимо, имея в своих рядах отдыхающего не в первый раз, заявил себя как «Искатели» и грянул девиз: «Бороться и искать. Найти и не сдаваться!»

Начальник выразительно посмотрел на меня и промолвил:

– Вот какую силу имеет классика – Вениамин Каверин и его роман «Два капитана». Книга на все времена!

Да уж. И для наших родителей и дедов, пионеров СССР, она была настольной, и, как информирует Интернет, романтиками-мечтателями суверенного Казахстана эта книга востребована.

Третий отряд назвался проще некуда – «Патриоты Казахстана».

– Наш девиз! – кинул клич командир отряда.

– «Будем в лагере дружить, крепче родину любить!»

Секунду или две руководители осознавали призыв пятиклассников. Потом начальник немного покашлял и торжественно произнес:

– Патриотизм – это хорошо! Это, понимаете ли, здорово! Поаплодируем, товарищи! – и первым ударил ладонь о ладонь.

Ребятишки звонким хлопаньем в ладошки заглушили его реплику, сказанную в нашу сторону:

– Чего это я? Как на партсобрании – «товарищи»... И кто только их надоумил, детишки же совсем...

Четвертый отряд взял себе имя «Солнышко», чтобы следовать девизу «Светить всегда, светить везде!». И это, кажется, тоже что-то из пионерской классики? Впрочем, солнышко оно и в Африке, и у эскимосов – солнышко. Оно – для всех светит. Правда, не везде одинаково ярко и жарко.

– Пятый отряд! Наши малыши! Как вас теперь называть? – ласково, как только мог, прогудел прокуренным басом Быр -Быр.

– Наш отряд зовем «Здоровье»! – выскочила перед строем девчужка с косичками и белыми бантами – второклассница, не иначе. – Наш девиз – всем на здоровье... – девочка на секунду прервалась, вместе с отрядом сделала глубокий вдох: – «Солнце, воздух и вода – с нами навсегда!»

От такой прямолинейной рифмы все вожатые и воспитатели хмыкнули и готовы были продолжить иронично подсмеиваться над двумя вожатыми самого юного отряда – студентками третьего курса медучилища.

Но резюме Барри Барриевича было кратким и философско-вопросительным:

– У кого лечиться будем?!

– ...Ты проверил вещи этих оболтусов, от которых анашой пахло? – после ужина спросил меня шеф.

– Как я могу проверить? Обыскивать их, что ли? Вроде бы это не тот лагерь...

– Тот не тот, а прошмонать их надо. Представь себе, чего такого всякого после обкурки они могут совершить – это же наркотик!

– Но как я...

– Ночью проверь карманы, а сейчас пойдём с тобой в каптерку.

В рюкзаках «двухэСов» ничего предосудительного мы не обнаружили.

– Так что по карманам пошарь, Максим.

– Непедагогично это, – попробовал протестовать я.

– Непедагогично, неприлично и несимпатично, – отрезал шеф. – Зато будем спать спокойно, вот так же, как спят эти хлопцы, наши с тобой подопечные. Грех беру на себя... Слушай, а что это так воняет в каптерке?

Уподобившись служебно-розыскным собакам, мы с Быр-Быром быстро вышли на запаховый след – в чемодане Тулемиса протухла колбаса!

Я напомнил историю, что случилась в день приезда. Итогом того разлада должно было стать поедание колбасы всем отрядом, но я как-то завертелся-закружился и забыл про запах казы. Видимо, жадный Тулемис быстро заныкал колбасину на потом, а случая добратся до нее за неделю не подвернулось.

Глядя на покрытую зеленым налетом, дурно пахнущую снедь, еще несколько дней назад одним своим запахом вызвавшую во мне ностальгические воспоминания редкостного трапезничания с ее присутствием на столе, я едва сдерживал рвоту.

– Вон, газетку возьми, заверни и выкинь в септик, – распорядился шеф. – Да не на помойку, а то собак потравим... Ну что, педагогичный ты мой, если бы миндальничали, проглядели бы инфекционное заражение организма владельца чемодана – видимо, очень жадного человека.

Честно говоря, ни в тот раз, ни много позже, я так и не определился для себя, правильно ли мы поступили, устроив шмон. Кстати, личные шмотки «двухэСов» я тоже проверил – анаши ни в карманах, ни под подкладками курток не обнаружил. Шеф предположил: видимо, у них всего одна сигаретка с конопляной набивкой была.

Я решил спросить ребят напрямую: «Курили?». Так и сделал. Надо было видеть смущение этих наглых демонстрантов независимости – сникли вмиг, часто заморгали глазками, смотрели друг на друга и молчали.

– Ясно! – жестко подвел черту я и повернулся к выходу из палатки.

– Максим, пожалуйста, – каким-то жалобно-надтреснутым голосом промямлил Серик, – не говори начальнику, он же нас отправит домой...

– Отправит. И правильно сделает. И не будете вы завтра в войнушку со всеми играть...

Всю первую неделю Барри Бариевич почти что лично готовил наш отряд к военно-патриотической игре. И, конечно же, она была связана с задержанием «нарушителей границы». Первоотрядовцы настолько увлеклись подготовкой к войнушке, как сами же и нарекли предстоящую игру, что мысленно примеряли на себя награды за поимку шпионов. Серик и Сережа надеялись показать класс на контрольно-следовой полосе и в ориентировании на местности – тренировались с рвением. А тут – облом.

И я понял: вот оно, педагогическое подспорье – ставь ребятишкам условие и бери их голыми руками за жабры.

– Что будем делать?

– Не ходи к начальнику, – тихо попросил Сережа.

– А я – не про сейчас, я – про будущее. Может быть, хорош своими подколками пацанам нервы расчесывать? На построения опаздывать... Демонстрировать собственную независимость... И вообще, я на вас полагался, как на способных быть примером в дисциплине, но что-то у нас не стыкуются желания...

– Всё понятно, Максим. Извини!

Оп-па! Услышать в этой ситуации «извини!» дорогого стоит – вылетело-то слово из уст непривыкшего просить прощения.

– Хорошо! – согласился я. – Буду надеяться, что разговор у нас мужской.

Несколько дней ребята были образцовыми воспитанниками. Они действительно в ходе военной игры показали лучшие результаты – первого нарушителя границы догнали и привели на «суд» жюри именно они. Ребята быстро вычислили на контрольно-следовой полосе его ухищренный след и направление движения. Кроме того, показали лучший результат в кроссе и силовых упражнениях с гири. Даже гимнаст Талгат и боксер Марат отстали в общем итоге от «двухэСов». Расчувствовавшись и проникнувшись к ним симпатией, я решил: не буду больше так их называть.

И вдруг...

– Максим, Максим, – задыхаясь от бега, ко мне примчался Лешка-ботаник. – Там Серик с Серегой Тулемиса бьют и кормят...

– Не понял?

– В столовой... Даже посуда разбилась...

Мы рванули в столовую. На бегу Лешка, одной рукой придерживая сползающие с носа очки, другой рьяно жестикулируя, поведал:

– Я сначала не понял, что там у них за движ, думал, пацаны просто барагозят, а потом Серик повалил Тулика, и стали они с Серегой буллить его...

Вот же черт! Они же обещали мне!..

– Может, это пранк? – от волнения я перешел на пацанячий сленг, хотя мы, вожатые, договорились, что будем общаться только правильными словами – педагогично.

– Неее... Тулик сначала отмахивался, потом заплакал... Говорил, «я так больше не буду»...

– Чего «не буду»?

– А я не понял, я к тебе побежал... Ты это, меня не сдавай, а?

В столовой было тихо, никакого хайпа, никаких разборок я не просек. За столом сидели трое – Серик, Сергей и Тулемис.

«Уф! Живые, и крови на полу нет – уф!», – перевел я дыхание.

– Что делаем, фрэнды? Кому сидим? Мне кажется, вы должны дежурить по столовой, а не чаи гонять?

Серик встал. Он был бледен и зол.

– Короче, Макс, как хочешь поступай, но я этому душнине, – он кивнул в сторону Тулемиса, а тот вмиг опустил голову чуть ли не на тарелку с кусочками масла, – не фрэнд.

– А с какого такого наш... эээ...

Я подыскивал слово. «Одноклассник» не подходит, «коллега» – тоже не в масть... Правильно сказать «однолагерник», хотя что-то я раньше не слышал такого.

Но Серик опередил меня:

– Наш чел – конченный душнила. Знаешь, что он тут, оказывается, почти каждый день творил?.. Серега, расскажи, а то я опять разозлюсь и втащу ему в пятак.

Тулемис сжался в комочек и закрыл лицо двумя ладошками.

– Вы что, ударили товарища?

– Нет, сдержались, не стали бить, только зашкварили его.

– Было за что?

– Давай, Серега, расскажи...

– Ну, эта, – начал неразговорчивый Сергей, – к нам подошли эти, как их, медички. Говорят, ваш толстяк у малышей масло съедает – приходит в столовую, когда уже накрыто, и от каждой порцайки откусывает...

– Прямо зубами?! – не сдержался я.

– Я отрезал ножом... – сквозь слезы, стекающие по измазаным маслом щекам, промямлил Тулемис.

– А потом этот... намазывал себе большой бутерброд и клячил у поваров чай с пятью ложками сахара, – злобно вставил Серик. – Ууу, тварь...

– Ну мы за ним проследили и пришли сюда. Видим, точно – жрет масло.

Спросили, откуда у него такой бутер, а он нас послал прямо на...

– Вот такой тут варик сложился. Представляешь, какой зашквар он нам всем устроил?!

– А чего он весь в масле?

– Жрать не хотел, мы его с ложечки кормили, пока не согласился сам доедать.

– А масла столько откуда?

– С нашего стола, мы все семнадцать порций собрали – пусть обожрется, шакал поганый, – с какой-то недетской ненавистью заключил Серик.

Тулемис просительно посмотрел на меня:

– Я больше не могу... Меня сейчас вырвет... Хватит меня буллить!.. Пожалуйста...

– Всё, пацаны – остановка, – принял решение я, хотя, честно говоря, сам не знал, что и как буду делать дальше.

Одно было ясно: Тулемис обречен на всеобщее презрение отряда, а впереди еще полмесяца совместного проживания, походов, спортивных игр, времени, в которое ему могут дать, что называется, по башке. А чем это может кончиться? То-то и оно...

– Нет, еще не всё! – жестко и решительно сказал Серик. – Покажи нож, которым масло отрезал и меня хотел ударить.

– Я не знаю, куда он делся...

– Знаешь. Доставай... Нуу!

Тулемис нехотя выложил на стол складной нож.

– А теперь расскажи Максиму, где ты его взял.

– Я его из дому привез, – не поднимая взор от тарелки, ответил любитель сливочного масла.

– Кому ты гонишь? Это ножик рыжего Шурика. Ты угнал его, когда мы свой шмот разбирали и в каптерку сдавали. Поэтому и вызвался помогать таскать рюкзаки. А свой чемодан на замок запер, да? Уууу... – вновь угрожающе зарычал Серик, и Тулемис, как по команде, закрыл лицо ладошками.

– Вытри фейс, ворюга...

– Остатки масла поделите на всех и – в палатку, – распорядился я. – А ты, Тулемис, пойдешь со мной.

Быр-Быр помрачнел, когда в присутствии маслоеда я рассказал ему о произошедшем. Проворовавшийся пацан то бледнел, то краснел, то икать начинал – по всему было видно, что масло не пошло ему впрок. Я прикинул – не менее ста пятидесяти граммов затолкали ему в пищеварительный тракт разгневанные охламоны. Хотя наказали они его по справедливости, если уж быть откровенным. Но что делать с воришкой? Риск большой – оставлять его в отряде.

– Веди его в санчасть! – распорядился шеф.

Тулемис вышел за дверь первым, я задержался.

– А с мстителями что делать?

Шеф на секунду задумался и вдруг выпалил:

– А ничего не будем с ними делать. Молодцы, что не били. А раз нет потерявших, не будет и дела. Веди идиота. Сам себе отдых испортил.

По дороге в санчасть Тулемис спросил:

– Что мне сделаете?

Но я только пожал плечами, так как действительно не знал, что и как предпримет начальник.

Оказалось, он распорядился положить «больного» как бы на лечение, и вызвал родителей.

На следующее утро в лагерь примчалась бабушка. Увидав чадо живым и здоровым, она сначала не поняла, что произошло. Потом, после услышанного от самого внука, который ей и половины правды не рассказал, много чего утаил из случившегося, оправдывая себя тем, что очень плохо кормят и ему просто захотелось подкрепиться, бабушка с недоумением посмотрела на Барри Барриевича. Мы с шефом молчали всё время признания. В её взгляде читалось: да вы же могли довести внука до голодного обморока!

Шеф раскрыл журнал учета веса каждого ребенка.

– Посмотрите сюда, пожалуйста, вот вес вашего внука по прибытии в лагерь... Видите? Шестьдесят пять килограммов шестьсот граммов... Тулемис, стань на весы...

Тот нехотя повиновался, стал на напольные весы и посмотрел на табло.

– Сколько? – не вставая с места, спросил шеф.

– Шестьдесят семь шестьсот, – озвучил цифру пацан.

– Итого: два кг за десять дней. И кого здесь плохо кормят? Кстати, – он обратился к бабушке, – Дина Избасаровна, я приглашаю вас отобедать с нами...

Тулемис предпринял попытку доказать свою правоту:

– Эжека, нас взвешивали в одних трусах...

– Ты хочешь сказать, что футболка и шорты на тебе весят два кгэ? – не сдержался я.

– Всё ясно, – как-то горестно подвела черту бабушка.

– Вы согласны с моим вердиктом? – твердо спросил ее шеф. – Деньги за оставшиеся дни мы вам перечислим.

– Разберемся дома, – увильнула бабуля от прямого ответа, который бы означал виновность внука.

Быр-Быр сузил глаза. Он всегда так делал, когда его не хотели понимать или делали вид, что не понимают.

– Тогда расскажи, сынок, как ты ножик у товарища украл и еще кое-что...

Дина Избасаровна вскочила с кресла.

– Туле! Это – правда, ты украл?

Видно было, что женщина вне себя от услышанного. Тулемис молчал, но пустил слезу.

– Чего ты молчишь? Как мог ты это сделать? Сколько раз я тебе говорила, что значит «уят»... Господи, стыд какой... Простите нас, пожалуйста, наше воспитание любимого внука провалилось...

У нее повлажнели глаза. Тяжело вздохнув, женщина опустила в кресло. В кабинете начальника стало тихо.

И вдруг бабушка подняла глаза на внука. Лицо ее было серьезно и взыскательно:

– А казы, что я приготовила на дастархан в честь своего семидесятилетия, из холодильника исчезли, потому что тебе тоже не хватало в моем доме еды?

Мы с Барри Барриевичем аж со своих мест приподнялись. Во дает паренек! Родную бабулю не пожалел!

– Я... я хотел спросить, но... но тебя не было... а потом я забыл... – лепетал внучек.

Вот это номер, пердимонюкль какой-то! А как пафосно он клеймил Серика и Серегу! «Разве можно без спроса брать чужое? Вы мне ответите за эту колбасу...» Дождаться обеда Дина Избасаровна не стала – увезла оголодавшего внука раньше, с глаз людских долой.

Не раз я впоследствии вспоминал этого воришку: не оправдывал и не осуждал – мало ли kleптоманов и жадюг рождаются на земле и воспитываются родителями. Думаю, из него вырастет настоящий рвач – яркий представитель нового времени. Муки совести в первые после случившегося дни терзали меня: почему шеф простил проучивших Тулемиса ребят? Я считал, что они тоже достойны выкинуть из лагеря. Что хорошего он в них узрел? С какой стороны ни посмотри, насильно накормив Тулемиса сливочным маслом, эти шалопаи совершили, мягко говоря, хулиганский поступок. И еще неизвестно, что хуже – дать прохвосту в морду или насильно заставляя его жрать до рвоты. Ну да, они не приемлют крысятничество и по-своему наказывают крысу. А сами что? Наглецы, анашисты, плохо воспитанные дети. Наказывать они – мастера? А прийти на помощь смогут?..

Мысли, вопросы... Как же их было много в тот первый сезон моей, как потом оказалось, действительно педагогической практики.

Вечером в палатке – разговоры. В основном – похвальба: кто, где, как, сколько и т. д. и т. п. Самые говорливые – три кента: Сакен, Берик и Малик – «Саке-Баке-Маке», как тут же окрестили эту троицу ребята. Они врут друг дружке безбожно. В основном про девчонок – ну а чего там, пацаны в той поре, когда сны становятся настолько яркими, что утром так просто не соскочишь с койки в одних трусах. Второе место – путешествия по заграницам. Их послушать, так нет страны, где бы кто-то из них не оставил след.

С книжкой по вечерам – только ботаник Леша. Талгат и Марат – спортсмены, на подиуме в уголке качают мышцы. Специально выпросили в палатку у физрука

гантели, эспандер и одну гирию. Редко-редко к ним примыкают другие мои воспитанники, но, как правило, их энтузиазма хватает на пару тренировок.

Гоша-артист собирает вокруг себя тех, кто не слушает Саке-Баке-Маке. Он мастерски рассказывает юморески и анекдоты, изображает персонажей мимикой лица и пластикой тела. В его кругу часто слышен смех, а то и гомерический хохот.

Ленивый Даурен потихоньку брэнчит на гитаре – уже два аккорда выучил, третий никак не дается, а он ой как нужен для аккомпанемента к песне. Кстати поет он весьма недурственно. Иногда стучится ко мне в занавеску, что отделяет мою кровать от общего пространства – всё-таки я для них начальник – и просит еще раз показать септаккорд в ля миноре.

Я поглощен планшетом, в который закачал задания из универа. Но мысли мои не о сопроамате, а о характере и поиске подходов к трудным пацанам. Оба они после кормежки убывшего восвояси воришки как-то погрустнели. Общаются только друг с дружкой, видимо, всё-таки ждут наказания. Я делаю многозначительное выражение лица, мол, всё для вас, друзья, впереди. А что делать с ними завтра, и сам не знаю.

– ...А он резко отдергивает руку от раскаленных углей и говорит мне: «Теперь ты попробуй!» – доносится голос Малика.

– Да ну, не может быть! – не верит Сакен. – Никто не может по горящим углям на руках ходить. На ногах, я видел в этом, как его... забыл страну... там они танцевали на углях и на стекле. Но потом нам рассказали, что у них на подошвах ног толстая кожа, ее спецом наращивают... А на руках...

– Просто надо очень плотно прижимать поверхность к углю, и тогда тебя не обожжет...

Ох и вруны!

Дневная беготня по вопросам шефа и других начальников, которых над вожатым много, плюс отсутствие воспитателя в отряде отрывают энергию моего молодого организма со страшной силой. Я дремлю...

Хохот Гоши и его компании периодически приводит меня в состояние бодрствования.

– Гога, а еще расскажи про училку рисования! – просит кто-то. – Помнишь, когда хайп в классе поднялся, и она директора позвала.

Гоша манерничает.

– Да уже все слышали этот анекдот...

Толпа урчит одобрение: не все слышали, давай...

Пока они препираются, мне не дает уснуть крепчающий спор вокруг Саке-Баке-Маке.

– ...Когда я вынырнул, они там все бегали по берегу и кричали, что человека надо спасать – метров пятьдесят я под водой прошел... – заливает Берик.

– Оооо! Вот это ты дал! – восхищенно говорит Сакен.

– А что такого, я в детстве ходил на подводное ориентирование, больше двух минут могу задерживать дыхание.

– Ага, больше двух минут! Это только опытные ныряльщики за жемчугом так могут и йоги, – раздраженно говорит Малик. – А давай сейчас время засечем? Чё, слабо?

– Ничё не слабо. Засекай!..

– Эээ, у кого есть часы с секундомером? Берик две минуты может не дышать... Толпа бросает Гошу и устремляется в отсек троицы.

«Пусть себе испытывают себя на прочность», – думаю я и засыпаю под последние слова: «Не выдержишь – зашквар получишь!»...

– Максим, вставай! – кто-то будит меня. – Уже пора на вечернее построение...

– А где все, на улице?

– Ага, на улице, – ворчит Серега. – Эти балбесы не поверили Берику, когда проверяли его на выносливость. Кто-то сказал, что под водой труднее не дышать, вот они и ринулись на пруд...

– Давно?

– Минут десять как уперли.

Внутри у меня что-то ёкнуло...

Только добежав до берега, я увидел, что Серик и Сергей находятся рядом, значит, бежали следом...

На берегу толпился весь отряд – все, кроме нас троих, были в курсе эксперимента, и никто не додумался остановить его или хотя бы перенести на день официального купания: безмозглые дети помчались на исходе дня зашкварить товарища и потешить самолюбие. Встали на берегу и ждут. Чего? Победителя или очередного душнилу?

Стоят и вполголоса обсуждают ситуацию:

– Ты, блин, третья минута пошла...

– Чёта я не вижу, где он сидит... кругов на воде нет...

В этот момент метрах в десяти от берега на поверхность воды вышел мощный плюх.

Ничего не спрашивая и не уточняя, я вошел в воду по пояс, поднял руки для ныряния, и вдруг надо мной одно за другим пролетели два тела. Их погружение в воду показалось мне бомбовыми взрывами. Я обернулся на берег: остальные не двинулись с места.

Через секунду на поверхность всплыла одна голова, за ней вторая, и вмиг они вновь погрузились в воду. Я нырнул с открытыми глазами, но увидеть что-либо не смог – мутная вода в нашем пруду, мутная, хотя при купании никто на это не обращал внимания – плавали, ныряли и никого не искали.

Воздух в легких закончился быстро – нет у меня такой тренировки, терпел и греб руками, пока не потемнело в глазах и не показалось, что вот-вот лопнет грудная клетка.

«Это конец!.. это конец!..» – первое, что пришло в голову при выныривании. Я открыл глаза. Показалось, что за те несколько десятков секунд, что был под водой, белый свет померк вовсе, и наступила ночь.

Протерев глаза, увидел, как Серик и Сережа тянут к берегу, как мне показалось, бездыханное тело Берика. Однако хрип и рвотные звуки стали мне утешением – жив, не утонул...

«Молодцы ребята! Эх, как прыгнули с разбега в воду, да так мощно, что перелетели через мою голову...» Но мысли мои в этот момент не укладывались в стройные рассуждения и оценки – надо срочно оказывать помощь.

– Воды нахлебался наш бравый чел, – вместе с отдышкой заключил Сережа. – Эээ, кто знает, что надо делать с утопленниками, которые, ну, эта, не до конца?

– Вниз головой, вниз головой его надо перевернуть, чтобы вода вышла из желудка, – закричал кто-то.

...Вместе с водой из Берика вышел ужин.

Не стану описывать ситуацию – противно вспоминать. Никогда сам не хотел бы и вам не желаю видеть процедуру спасения утопающих, руки которых не смогли вовремя вынести брненное тело на сушу.

...Разборки у нас с Быр-Быром были долгими.

Для начала Серик и Сережа рассказали, как им удалось обнаружить и в считанные секунды выловить товарища из пруда.

– Вам кто сказал прыгать в воду? – начал допрос шеф.

– Никто, – первым, как всегда, отозвался Серик. – Наш вожатый сначала нырнул. А мы – следом с разбега, чтобы подальше от берега пролететь. Ну и под водой – по кругу пошли, чтобы от центра расширяться в поиске. Серега сразу же наткнулся на него – Берик почему-то стоял, а голова прямо у поверхности воды. Он еще рукой одной махал... Ну мы его рванули вверх... Наверное, он в водорослях запутался...

– Так было дело, герой? – начальник лагеря строго глянул на Сережу.

– Ага, – буркнул тот, как будто бы вина была на нем. – Мы, когда его вырвали, он еще успел вдохнуть, а потом начал блевать... На меня...

– Эка тебе не повезло – спаситель... неприятно, понимаю... Ладно, а как откачивали?

– Его наш вожатый откачал, сам все из его рта доставал, чтобы Берик дышал лучше.

– Добро, идите, хлопцы! Благодарность вам. А вам... – шеф подождал, пока за ребятами закроется дверь, – а тебе, Максим Гараев, придется писать объяснительную и отвечать по полной программе, если, конечно, у нашего утопленника начнутся осложнения со здоровьем.

Хвала Всевышнему, осложнений у Берика не было – на всякий случай подержали его в медпункте до утра и поставили в строй нашего неуёмного первого отряда. Однако мудрый правитель лагеря на всякий случай и с него, и с меня объяснительные записки отобрал. Я так и написал, что в момент исчезновения воспитанника задремал, хотя шеф рекомендовал – «отлучился по нужде».

Берик сообщил, что ему нестерпимо захотелось сполоснуться, и он самовольно пришел на озеро, нырнул прямо с берега, ударился головой, но пришел в себя, однако успел наглотаться воды.

На самом же деле, как он потом признался, нырнув, почувствовал, что его будто бы за ноги схватили. Он начал дергаться и запутался – нескольких сантиметров роста не хватило, чтобы рот и нос оказались над кромкой воды. Так и стоял более двух минут, спор выигрывал, пока не кончилось терпение и не хлебнул воды, тут и отключился.

И лишь спасшим его Серику и Сереже не пришлось писать о своем героическом деянии – а не было ничего!

Говорят, потом из воды вытащили самодельный невод, когда-то кем-то потерянный и утопленный. В нем и запутались ноги Берика.

Короче, весело мне было с этими пацанами весь сезон, так как ни воспитатель для отряда не нашелся, ни мой женившийся однокурсник не приехал на смену. Я остался в лагере и на второй, и на третий сезон.

А к сентябрю понял: хочу овладеть педагогикой, психологией, философией, ставшими для меня самыми притягательными науками человечества.

Впрочем, люди всегда делились на физиков и лириков.

До того, как столкнулся с ролью воспитателя детей, пусть и больших уже, считал себя физиком. Главными науками ставил математику, физику и химию, на этих трех китах держится всё предметное нас окружающее – бытовое и научно-техническое. И с этим не поспоришь: физмат – сила! Пусть не гении, но имеющие талант и способности к точным наукам, овладев суммой знаний, найдут себе применение в жизни, и будут востребованы всегда, везде, во многих сферах.

Поступая в технический вуз, я был уверен: началось строительство не только всей моей будущей профессии, но судьбы. А оно вон как повернулось – опять первый курс, но уже педагогического университета. И смотрели на меня – успешного студента физмата, променявшего престижные науки на что-то, не имеющее конкретных цифр и абсолютных значений, как на неудачника. Мол, не потянул парень физмат, вот и угодил на педфак.

Пришлось, поднапрягшись, доказывать, что я здесь по своей воле и предназначению – после первой же сессии, сдав все спецпредметы за первый курс, я был переведен на второй, к концу которого стойко и цепко перешел на третий – догнал упущенное время!

Но всё это было потом. А пока в палатке с пацанами я обсуждал очередное мероприятие – концерт первого отряда по случаю окончания первого сезона.

Ведущим и исполнителем юморесок, конечно же, был всеобщий любимец публики – Гоша-Георгий Светочев.

– Значит так, после каждой песни юмору – коротенько, минутки по две, иначе выступление затянется...

– Одних песен – мало, надо бы разные жанры представить на суд зрителей, – как-то уж очень серьезно заметил рыжий Шурик – Саша Шейхат, обнаруживший незаурядные способности режиссера.

– Ага, думаешь, кто-то станцует? – горячо отозвался Малик.

– А пусть наши «мастера с понтом» вместо танца покажут акробатический этюд! – с заявкой на оригинальность выпалил Берик.

– Нет проблем! – очень серьезно откликнулся Талгат-гимнаст. – Марат, мы же сможем пройтись по сцене колесом, потом на руках и соорудим пирамиду, как в первом классе – «делай раз, делай два...», – при этом Талгат пантомимой изображал предполагаемые движения.

– А я могу с вами поучаствовать с номером под Майкла Джексона!

Леша-ботаник подскочил с койки и стал в позу знаменитого американского артиста. Без стеснения и ужимок прошелся «лунной походкой» туда-сюда, кто-то начал аплодировать...

– Ну, блин, не ожидал! – похвалил его Серега. – Я думал ты, кроме травок и цветочков, бабочек и мотыльчков, ни в чем другом не сечёшь, а ты – пушка, топ, лайк тебе.

Все одобрительно посмотрели на Алексея Малахова – вот ведь как вмиг может обрести уважение член коллектива!

– А что у нас Берик будет делать? – Талгат мстительно вернулся к теме танцев, вывернувшейся для него и Марата «построением пирамиды». – Давай, Баке, учи

куплеты Водяного из мультика, помнишь? «Я – Водяной, я – Водяной, никто не водится со мной...» Мы тебе под эту локацию ванну с водой на сцене поставим и...

Берик побледнел, вскочил с табуретки и, набычившись, пошел на Талгата...

– Стоп! Брейк! – как можно непринужденнее закричал я, пытаюсь придать ситуации юморной характер. – Такой номер занял бы первое место! Но... Хватит отвлекаться, давайте думать и предлагать...

Составляя программу, артисты-активисты вместе со мной засиделись до полуночи. Остальные легли спать и мирно посапывали-похрапывали.

– Всё! Готово! Пять номеров есть и четыре конферанса между ними! Это – полчаса времени. Хватает. Отбой, малыши, у нас завтра трудный день.

– А можно я две песни Абая спою? Они очень хорошие, моя мама их любит, – тихонько попросил Даурен, как оказалось, обладатель прекрасного слуха и звонкого дисконта.

Вот тебе и ленивый, вот тебе и нерасторопный, – певец! И это в нем главное.

– Если после «Айттым салем каламкас» будут бисировать или хотя бы бурные аплодисменты начнутся – пой.

– Рахмет, ага! – расчувствовавшись, и, видимо, давно желавший удивить маму талантом на сцене, крайне почтительно по-казахски поблагодарил меня джигит.

«А я-то за три недели общения и не заметил в нем такой душевности, – улегшись за своей занавеской на коечку, ввергся я в размышления. – Ай, как прав был шеф, ай как прав – “изучай личный состав, в душу каждому заглядывай”».

Много чего пришлось мне постигнуть после решения изменить судьбу. Но этот завет – изучать воспитанника с первых минут знакомства с ним стал для меня главенствующим. Ладно, не понимал я душу ленивого Даурена; пусть не распознал я доброго в душах взрослеющих акселератов «двухэСов»; но как я мог прозевать маленького прохвоста и воришку Тулемиса?

Отстегивая время назад, вспомнилось, как в автобусе, он один из всех верно-подданнически хохотнул над дерзким неудавшимся хайпом, закинутым в мою сторону Сериком. Он как шакал Табаки искал для себя Шерхана, но пацаны сторонились его. Чувствовали? А почему я этого не просёк?

Учиться надо! У-чить-ся!

Или, например, Казбек, Славик и Марик. Я про них ничего не написал, потому что эти ребята никуда никогда не встречали. Дисциплинированные, исполнительные, ничего два раза им повторять не требовалось. Время пролетело, а сказать о них нечего, – я не мог, не нашел способа, времени, предлога, чтобы зацепить их? Нет! Просто не сумел, не знал, как подойти, с чего начать.

У-чить-ся! – вынес я сам себе вердикт, перевернулся на другой бок и вдруг...

– Змея, змея!!!! – истошно заорал кто-то из ребят.

Вспыхнул свет!

– Где, где ты видел змею?! – наперебой спрашивали пацаны у стоящего на койке Берика.

– Она у меня в постели... – сотрясаясь всем телом, дрожащими побелевшими губами шептал он.

И в этот момент с верхних коек послышалось хихиканье.

– Что случилось? – я подошел к Берiku вплотную. – Ты ее видел?

– Нет, она у меня по спине проползла.

Хохот усилился.

Ничего не понимая спросонья, я взял в руки полотенце и приготовился отловить ползучего гада.

Отряд грохотнул раскатистым «ха-ха».

– Эй, народ! – не вставая с койки, крикнул Серега. – Кончай этот пранк – старо как мир. Еще моя бабушка в пионерском лагере это делала. Максим, успокой Берика, это ему кто-то веревочку с узелками умудрился под простынь засунуть и потянул, когда он задремал. А не спим мы теперь все...

– Проверь, Берик! – распорядился я.

– А как?

– Для начала слезь с койки.

– Мне кажется, она у меня под ногой.

– Так... прыгай на пол.

Потом я нашел эту веревочку, конец которой шел, как мне показалось, к тем кроватям, на одной из которых спал самовлюбленный Талгат. Вот, и в этом парне я ошибся, причем в худшую сторону, как оказалось...

Последний день первой смены был насыщенным: линейка затянулась из-за вручения грамот и памятных подарков тем, кто, как объявил Барри Барриевич, «внес значительный вклад в дело организации и разнообразия отдыха». Среди награжденных меня не было, зато большая часть воспитанников, включая моих «двухэСов», получила призы. Когда объявили их имена, неразлучные друзья недоуменно переглянулись, посмотрели на меня и счастливо хохотнули – не ожидали.

– Надо бы объявить – «за спасение утопающего», – тихонько съязвил в строю Талгат.

Но никто не обратил на его реплику внимания – разговоры о случившемся были для ребят табу. Никто не умолял и не заставлял их «не лохматить этот вариант», сами понимали – виноваты все, не удержали парня, не отсоветовали, более того, движ подогревали.

Потом было чаепитие по отрядам, праздничный обед, подписывание открыток на память, хождение в гости в другие отряды. Настроение у всех приподнятое, бодрое, даже возбужденное – завтра едем домой! Как ни весело, как ни здорово было отдыхать, а дом всё одно манит и волнует встречей с мамой и папой. Хотя, с другой стороны – грустно...

После обеда те, к кому приехали, встретились с родителями и повели их на концерт.

Сначала пела и плясала малышня. Первый отряд оставили на закуску – на финал концерта.

Я волновался больше, чем артисты. А вдруг будем бледненько выглядеть на фоне вон каких даровитых второклассников, звонко поющих хором и заправски танцующих брейк? Шестые-седьмые классы почему-то дали меньше всех номеров. Их воспитательница уверяла жюри, что у них сейчас возраст вступления в юношество, а для этого периода характерна интровертность, замкнутость, нежелание демонстрации своих способностей.

И вот на сцену поднялся наш Гоша.

– Выступает художественный коллектив отряда «Пограничник» спортивно-оздоровительного лагеря «Геологоразведчик», – торжественно объявил он. – Под ваши бурные аплодисменты я приглашаю на сцену мужской хор.

Лагерь был шокирован таким профессиональным слогом и дикцией. Не то что шквал хлопков раздался в уже заскучавшем было зале, – крики одобрения и визг девчонок, тех, что «на пороге юношества», не дали ведущему в течение нескольких секунд продолжить конференс.

– Предлагаем вашему вниманию музыкально-драматическую композицию «Мы не спим с Джульбарсом на границе». Слова наши, музыка народная.

Мы с Дауреном ударили по струнам гитар, хор грянул маршеобразную песню «Мы не спим с Джульбарсом на границе, мирный труд Отчизны бережем. Иногда нам дом родимый снится. От шпионов Казахстан спасем»...

Не ахти какие получились слова, но пелись они с воодушевлением и истинно военной строгостью.

После первых же строк шеф поднялся с места и начал аплодировать в такт музыке. За ним последовали остальные. Под конец песни я заметил – старый пограничник смахнул слезу. Видимо, служба на переднем рубеже страны – особая, на всю жизнь оставляет в человеке след истинной любви к Родине, которую погранзаставы оберегают день и ночь.

– Прежде чем объявить следующий номер нашей программы, – вышел на авансцену конференсье, – хочу рассказать вам, ребяташки из пятого и, думаю, из четвертого отрядов, вот такую историю... Вы же еще не забыли свой первый класс?

Ну, дает парень, сам только что перешел в десятый, а уже подначивает малышню, по сути, коллег по школе: «...вы еще не забыли?..» Как будто бы сам уже на склоне лет жизни. Именно это вызвало у вожатых и воспитателей, поваров и завхозов, водителей и родителей смех.

– Так вот, приходит ребенок домой с первого дня учебы в школе, весь такой важный, значимый. «Ну как там в школе, сынок? – с нетерпением обращаются к нему мама, папа, бабушка, дедушка. – Ты уже познакомился с учительницей?» – «Конечно! Мы с ней даже поговорили». – «Дааа?! О чем же, сынок?!» – «Она спросила меня: вопросы есть? Я сказал – есть: когда начнутся каникулы?»

Ребяташки в зале стали хохотать, Гоша кивнул публике и объявил:

– Нашу программу продолжит песня Абая «Айтым салем каламкас» в исполнении лауреата республиканского конкурса народной песни Даурена Нургалиева.

Вот так новость, а я и не знал, что ленивый Даурен такой признанный певец – мой косяк, мой...

«Бис» никто не кричал, но аплодисментов было много. Даурен просительно глянул на меня, я кивнул, и он тут же объявил:

– Специально для моей мамы я спою ее любимую песню Абая «Козимнын карасы».

Мама заплакала с первых же слов. Но, что удивительно – все ребяташки, знающие казахский язык, стали подпевать Даурену. А потом аплодировали с таким жаром, что, казалось, на сцене не Даурен Нургалиев, а Димаш Кудайберген – наше казахское чудо, восторгающее пением весь мир.

Гоша, уловив настроение зала, продолжил:

– А вот еще был случай... Но я вам расскажу его после выступления нашего гостя. Итак... – он на несколько секунд сделал паузу, зал замер. – Специально проездом из Парижа в Талдыкорган у нас остановился и сейчас выступит... Майкл Джексон!

Ошалевшие зрители не поняли шутки, но аплодисментов по привычке отвалили Леше-очкарику с лихвой. Хлопали ребятишки и во время «Лунной походки», и после исполнения номера – в раж вошли.

– Недавно один чел озадачил меня, – как только стихли овации в адрес доморощенного Майкла-Леши, продолжил программу Гоша. – Мы с ним зашли в магазин, он уставился на витрину с гаджетами, и серьезно так, с видом знатока спрашивает: никак не пойму, чем отличаются вот эти два телефона, почему у них такая огромная разница в цене? Пришлось провести с ним разъяснительную работу: потому что один из них, говорю, плеер, а другой фотоаппарат!..

Тут Гоша промахнулся – оглушительных оваций не случилось. Думаю, всё потому, что наш мир стремительно меняется, и то, что еще десять лет назад, когда нынешние выпускники пришли в школу, было ультрасовременным, к настоящему времени просто исчезло из обихода: младшешколяки не знали слова «плеер», у них он, как и фотоаппарат – в смартфоне.

Мир стремительно меняется. Раньше люди веками рассказывали одни те же анекдоты-побасенки, и они были, если, конечно, рассказаны по случаю и ко времени, смешны. А нынче одно непонятное слово может испортить обедню.

Вспомнилось, как накануне отъезда мне поручили трехлетнюю племянницу, и я решил почитать ей сказку. На словах «...взяла Аленушка ведра, коромысло и отправилась по воду» девочка остановила меня: «Что она взяла?» «Ведра, – отвечаю ей, – повесила их на коромысло...» С этим словом у ребенка случился мыслительный ступор. Минут пять объяснял ей конструкцию и предназначение этого устройства. А завершилось всё таким резюме малышки: «Надо было просто открыть кран и попить воды...».

...Тем не менее, наш концерт удался на славу.

Гоша объявил о завершении программы, пожелал всем счастья, про которое и спели все вместе – ну, вы знаете, неумираемое и пока что непревзойденное: «Мы желаем счастья вам, счастья в этом мире большом...»

...Назад в Алматы мы ехали уже не полным составом – пятерых ребят забрали в конце последнего дня родители. А мы с утра пораньше, плотно позавтракав, двинулись в путь.

Только по приезде в город Барри Барриевич сказал мне то, что я с волнением ждал весь день:

– На вторую смену тебя писать?

– Конечно, – как-то до неприличия поспешно согласился я.

– Так же в первый отряд, к недорослям?

– А почему бы и нет – опыт-то с ними наработал...

– Опыт! – хмыкнул шеф. – В педагогике это называется первые навыки... Коро-че, ищи себе вожатого, сам будешь воспитателем, а это на треть больше в окладе...

А потом, понизив голос, шеф заговорщицки подмигнул и спросил:

– А скажи-ка мне, Макс, по-чесноку, как окрестили меня твои воспитанники? Ну, как они промеж себя меня называли?

– Ну... вообще-то Быр-Быр, – смутился, но всё же сказал я.

– Аха-ха-хах, – громким смехом зашелся мой начальник. – Ну, надо же, каждый сезон одно и то же – то быр-быр, то бырбырыч! Ничего нового не могут придумать, сорванцы!

Через три дня мы с моим однокашником Русланом в назначенный час сядем в тот же самый «зайчик», уместивший – не поверите – опять семнадцать охламонов...

Аааа... вот еще: в моем рюкзаке лежали два учебника... Догадались? Правильно: «Психология коллектива» и «Педагогика для школ».

Необходимое пояснение для взрослого читателя – словарь детско-юношеских жаргонизмов:

Варик – вариант

Пушка – выгодное дело, значимый человек

Топ – то, что востребовано

Барагоз – смута, ссора

Движ – активность

Пипец – конец действия

Ботан – ученый, хлюпик

Перец – человек со сложным характером

Хавчик – еда

Вкурил – понял

Фрэнды – друзья, коллеги

Зачетно – хорошо, принято

Буллить – травить, дразнить

Пранк – розыгрыш

Душила – мерзкий человек

Зашквар – позор

Шмот – вещи

Фейс – лицо

Пердимонюкль – нечто, вызывающее сильное удивление

Лайк тебе – выражение восхищения

Хайп – обсмеяние, шум на ровном месте

